

УДК 81

ББК 81

DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/1/139-146>

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ НУЛЬ В ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

А. Л. Шарандин

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

FUNCTIONAL ZERO IN RUSSIAN FONOLOGICAL SYSTEM

A. L. Sharandin

Tambov State University named after G. R. Derzhavin

Аннотация: статья развивает нетрадиционный взгляд на состав основных классов фонем в русском языке, представленный в нашей статье «О классах фонем в русском языке». В качестве таких классов были рассмотрены консонанты, сонанты, глайды и гласные. Целью данной статьи является выделение функционального нулевого фона (звука) в составе глайдов и гласных. Обосновано функционирование нулевого йота и вокалического нуля в фонетических позициях. Для нулевого йота такой позицией оказывается реализация фонемы [j] перед гласным «и» – [ʲ] в начале слова (*избА, Избы*), между гласными перед безударным гласным «и» (*сУдьи, свАи, сарАи*). В классе гласных в качестве функционального нуля представлена реализация фонемы [a] в особых звательных формах типа *Вов! (Вова), Люд! (Люда)*. Он обозначен как па-звук [#]. Термин же «вокалический нуль», представленный в работах В. Г. Руделева, рассматривается не как обозначение собственно нулевого фона (звука), а как полноценная самостоятельная гласная фонема («ер»), функциональным фоном которой является фон [ʲ]. Он характеризуется с точки зрения традиционных фонетических признаков как неогубленный гласный среднего ряда и среднего подъема. В фонологическом плане ему присущи такие акустические признаки, как небемольность, недиффузность, некомпактность, низкий тон. Основное различие между фонемой [ʲ] и функциональным вокалическим нулем [#] (па-звуком) в следующем; [ʲ] является слоговым, а [#] – неслоговым. Отсутствие восприятия звуковой материалности в силу краткости па-звука характеризует его как функционально значимый сегмент неслогового типа. Это определяет нулевою сущность па-звука и тем самым отличает его от подлинных гласных. Правомерность выделения функциональных нулей обусловлена парадигматической формой выявления данных единиц в системном описании звукового строя русского языка.

Ключевые слова: фонема, классы фонем, фон, функциональный звуковой нуль, нулевой йот, кулевой па-звук.

Abstract: *Russian Russian Phoneme Classes* The article develops an unconventional view on the composition of the main classes of phonemes in the Russian language, presented in our article "On phoneme classes in the Russian language". Consonants, sonants, glides and vowels were considered as such classes. The purpose of this article is to highlight the functional zero background (sound) in the composition of glides and vowels. The functioning of the zero iota and the vocal zero in phonetic positions is substantiated. For the zero iota, such a position is the realization of the phoneme [j] before the vowel "and" – [ʲs] at the beginning of the word (*hut, Hut*), between the vowels before the unstressed vowel "and" (*judges, piles, sheds*). In the vowel class, the implementation of the phoneme [a] in special vocative forms such as *WWII* is presented as a functional zero! (*Vova*), *People! (Luda)*. It is designated as a pa-sound [#]. The term "vocal zero", presented in the works of V. G. Rudelev, is considered not as a designation of the actual zero background (sound), but as a full-fledged independent vowel phoneme ("ep"), the functional background of which is the background [b]. It is characterized from the point of view of traditional phonetic features as a non-submerged vowel of the middle row and the middle rise. Phonologically, it

© Шарандин А. Л., 2013

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

is characterized by such acoustic signs as non-semblance, non-diffusiveness, non-compactness, low tone. The main difference between the phoneme [b] and the functional vocal zero [ʃ] (pa-sound) is as follows; [b] is syllabic, and [ʃ] is non-syllabic. The lack of perception of sound materiality due to the brevity of the pa-sound characterizes it as a functionally significant segment of the non-syllabic type. This determines the zero essence of the pa-sound and thereby distinguishes it from genuine vowels. The legitimacy of the allocation of functional zeros is due to the paradigmatic form of identifying these units in the system description of the sound system of the Russian language.

Key words: *phoneme, phoneme classes, background, functional sound zero, zero iodine, potassium pa-sound.*

Введение

Данная статья является продолжением нашей статьи «О классах фонем в русском языке», опубликованной в журнале «Вестник Воронежского университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация» [1]. В ней был представлен нетрадиционный взгляд на состав классов фонем в русском языке. Это связано со стремлением уточнить их традиционную классификацию, что позволяло учесть некоторые современные данные, связанные с классификацией фонем.

В результате выделены **четыре класса фонем**: **1) консонанты** (шумные согласные): являются неслоговыми и имеют фонологические признаки звонкости/глухости и твердости/мягкости; **2) сонанты** (соноры): реализуют фонологический признак твердости/мягкости и не реализуют фонологического признака звонкости/глухости, а также оказываются нейтральными по отношению к признаку слоговости/неслоговости; **3) глайды**: обнаруживают отличия как от консонантов и сонантов (не реализуют фонологические признаки звонкости/глухости и твердости/мягкости), так и гласных (являются неслоговыми); **4) гласные**: им присуще наличие признака слоговости, отсутствие звонкости/глухости и специфическое представление твердости/мягкости как оппозиции дизности – недизности.

К вопросу о статусе признака «дизность – недизность»

в фонологической системе русского языка

В дополнение к материалам указанной выше статьи считаем целесообразным уточнить нашу позицию в отношении представления фонологического статуса признака дизности – недизности в классе гласных. Как отмечает А. А. Кретов, «все гласные фонемы по их влиянию на предшествующие парные согласные можно разделить на **смягчающие** (дизные) и **не-смягчающие** (не-дизные)» [2, с. 183]. Использование признака дизности – недизности как акустического признака в отношении гласных и согласных в их единстве позволило, в частности, В. Г. Руделеву считать дизность признаком слога, а не согласного и тем самым исключить из состава согласных фонем русского языка мягкие согласные

[3]. Однако большинством исследователей принимается решение, согласно которому мягкие согласные включаются в общую систему фонем русского языка на правах самостоятельных фонем.

На наш взгляд, правомерно говорить о существовании в русском языке фонологической категории «дизность – недизность» (или согласно традиционной терминологии «твердость – мягкость») для согласных фонем (шумных и сонорных, кроме [j]). Она выражает отношение фонем к тону, связанному с палатализацией и веляризацией, вследствие чего выделяется ряд фонем с повышенным тональным спектром и ряд фонем с пониженным тональным спектром. Данное противопоставление наиболее ярко проявляется в позиции перед гласными и на конце слова. Что же касается гласных, то этот признак им также присущ, но имеет не фонологический, а фонетический характер. Как отмечает М. В. Панов, гласные, которые произносятся между мягкими согласными, – дизные: [м`а`т`] (мять), [т`у`л`] (тюль) и др. [4, с. 67–58]. Однако дизная характеристика у гласных в этом случае обусловлена влиянием мягких согласных, что позволяет, например, [ʼa] и [a] квалифицировать как варианты (аллофоны) одной фонемы – гласной [a].

Таким образом, признак дизности – недизности оказывается классифицирующим признаком, который присущ и гласным, и согласным, но при этом имеет **разный статус: фонологический у согласных и фонетический у гласных.**

Следует особо отметить, что в лингвистической литературе в качестве синонима термина «недизный» часто употребляется термин «бемольный» [5, с. 49]. Действительно, понятие «бемольный» также связано с тональной характеристикой звука. В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой бемольность определяется как один из тональных признаков звуков речи, характеризующий те из них, в которых форманты спектра сдвинуты вниз, т. е. понижены, вследствие сокращения переднего отверстия речевого резонатора и увеличения трения в области губ (лабиализация) [6, с. 65]. Другими словами, в том и другом случае наблюдается сокращение объема ротовой полости, но в случае повышения задействована палатализация, а при понижении – ла-

биализация. Поэтому дизенность и бемольность оказываются дополнительно распределенными: «дизенность – недизенность» как фонологический признак релевантен для согласных, а «бемольность – небемольность» – для гласных. Так, М. В. Панов отмечает, что бемольные – это «пониженные звуки, которые представлены огубленными гласными. А небемольные – это неогубленные гласные. Что же касается согласных, то для них бемольность – небемольность выявляется в позиции перед гласными: «бемольный характер обусловлен позицией перед лабиализованными гласными [o] и [y] – ср.: [д^оом], [з^вук] [4, с. 57]. Но в русском языке нет самостоятельной фонемы [д^о] и т. п. Поэтому для согласных признак бемольности оказывается фонетически обусловленным, тогда как для гласных таким фонетическим признаком является признак дизенности.

Понимание сущности нуля в отношении звука

Как известно, понятие нуля достаточно широко используется при описании морфемики и морфологии, особенно в описании парадигм тех или иных грамматических категорий, члены которых имеют определенные грамматические значения и средства их выражения. В качестве таких средств выступают не только флексии в словах и формах типа *стол, рыб*, но и суффиксы, например, в глагольных формах типа *нес, брось* и т. д. В самом общем виде нулевой показатель грамматического значения рассматривается как особый способ его репрезентации, характеризующийся отсутствием звукового выражения.

В связи с этим логичным является вопрос о том, можно ли нуль, как показатель чего-то несуществующего в силу невосприятия органами слуха, рассматривать в одном ряду с воспринимаемыми на слух единицами речи? А. А. Кретов сформулировал ответ на данный вопрос в виде «нулевого (пропедевтического) постулата»: «не воспринимаемое – не значит несуществующее» [2, с. 10]. Он пишет: «Мы привыкли верить своим органам чувств – настолько, что существующим считаем воспринимаемое, а несуществующим – не воспринимаемое. На этом различии построена целая философская концепция – позитивизм, за которой стоит старый добрый здравый смысл. Между тем это низший (первый, поверхностный) уровень познания окружающего мира. Опираясь на него можно и нужно, а вот ограничиваться им не следует» [2, с. 10]. Действительно, например, ультрафиолетовое излучение солнечных лучей мы не воспринимаем визуально, но их воздействие, как факт существования, присутствует при загаре на солнце. По мнению А. А. Кретова, многочисленные опыты показали, что «в одних и тех же звуках носители разных языков слышат разное, потому что сознание привыкло искать те признаки звуков, которые

в их языке связаны с различением смыслов (значений). Для каждого языка эти признаки различны» [2, с. 16].

В чем специфика нулевого звукового выражения в фонетике? В связи с этим обратим внимание на сравнение с понятием нулевой морфемы. Дело в том, что морфема является минимальной значимой единицей, имеющей план выражения и план содержания. В этом случае двусторонняя сущность морфемы позволяет видеть в нуле звука план выражения определенного грамматического содержания. Но в фонетике мы имеем дело с одноплановыми единицами – фонами и фонемами, представляющими собой единицы речи и языка. Следовательно, акустическое содержание звука, сформировавшееся на базе той или иной артикуляции, оказывается, по существу, и средством выражения. Другими словами, форма и содержание совпадают: язык есть форма (7).

Правомерность выделения нулевых звуков (фоннов) обусловлена парадигматической формой их выявления и выделения в системном описании звукового строя русского языка. Отсутствие в них однозначно воспринимаемого акустического содержания не является основанием для их невыделения, поскольку в этом случае показателем их наличия оказываются акустические характеристики взаимодействующих с ними звуков (фоннов). См. приведенную выше парадигму фоннов фонемы [j]: [суд'jА], [суд'jИ], [сУд'jи]. Нуль звука не есть полное отсутствие акустического содержания звука. В данном случае это содержание оказывается в максимальной степени редуцированным. В результате мы имеем своего рода нулевое восприятие данного редуцированного акустического содержания, выполняющего функцию выражения.

Функциональный нуль глайда [j]

Наиболее ярким представителем глайдов (и возможно, единственным) является [j]. Это особая фонема, в которой ослаблены признаки согласного и сонора и не реализуются признаки гласного (слоговость). В качестве его аллофона выступает [i'] или [й'] – разные обозначения «и-неслоговой», представляющие [j] в определенных позициях. Основной вариант глайдовой фонемы представлен [j]. Этот звук может быть произнесен изолированно, тогда как звук «и – неслоговой» возможен только в фонетической связке с другими звуками. Это позволяет рассматривать «и – неслоговой» в качестве функционального звука (фона), речевые характеристики которого обусловлены определенной фонетической позицией (например, в конце словоформ типа *мой, лисий, сарай* или между гласными в позиции перед безударным гласным в словах типа *секвОйя, мАйя, крАсная, сарАя, лИсьего*).

В указанной выше статье «О классах фонем в русском языке» в классе глайдовых звуков (фонем) был выделен также *йотовый нуль* в словах типа *моИ, свАи*. Большинство исследователей считают, что перед [и] нет [j]. Более того, они отмечают, что в этой позиции [j] реализуется *нулем звука* [4; 8, с. 119; 9, с. 50; 10, с. 20; и др.]. Думается, с этим полностью согласиться нельзя. Ср.: [суд`и`Ы] и [суд`Ы]. Наличие морфемного стыка достаточно ярко свидетельствует о йотовом присутствии. Однако в данном случае оно присутствует в особом виде – как нуль звука. Как, например, в словах типа *моИ, свАи*. По мнению М. В. Панова, перед [и] фонема [j] по существу выражается *нулем* [4]. Для обозначения *йотового нуля* можно использовать обозначение [j⁰] или [Ø]. Первое обозначение в большей степени сориентировано на теоретическое осмысление его статуса, а второе – на реальное восприятие. С точки зрения статуса данных звуковых образований, на наш взгляд, мы имеем дополнительно распределенные позиции, в которых представлены аллофоны одной фонемы [j]: перед ударным гласным, кроме (и), выступает [j], перед безударным, кроме (и), – [i], а перед (и) – [j⁰] или [Ø].

Близость [i] к [и] приводит к тому, что в словах типа *Избы, и* (название буквы) он почти сливается с фонемой [и]. Этому есть определенное *физиологическое обоснование*. Как отмечает Е. А. Еськова, «для восприятия j на слух необходимо, чтобы [й] было Уже [и]. При одинаковой степени подъема язык при [и] и [й] последнее ассимилируется гласной и на слух звучит уже не [йи], а просто [и] [10, с. 31]. Поэтому его присутствие оказывается не таким ярким и контрастным, как в словах типа «моИ`у». Более того, как замечают фонетисты, перед [и] фонема [j`] по существу выражается *нулем* [там же]. Все это создает возможность его выпадения в формах типа [в`ызбу]. Следовательно, вполне логично было бы мягкость предшествующих согласных посредством «и» объяснять «йотированным» характером этой буквы, который, правда, представлен не сильным, а слабым вариантом. И тогда транскрипция слов типа *изба* будет иметь следующий вид – [i`ызба], а слово «и» – [i`ы], т. е. слова, обозначающие названия букв «ы» и «и» будут различаться наличием фонемы [j], только представленной, согласно традиции, вариантом [i`]: [ы] и [i`ы] или *йотовым нулем* в словах типа *моИ, свАи*. В последнем случае можно принять следующее *обозначение йотового нуля* – j⁰.

Таким образом, в классе *глайдов* также можно выделить функциональные звуки в качестве аллофонов фонемы [j] – [и-неслоговой], который можно квалифицировать как переходный звук – *сонорно-вокальный*, и *йотовый нуль*, как правило, в позиции перед неударным [и].

К вопросу о вокалическом нуле в классе гласных фонем

В этом классе обращает на себя внимание выделение и функционирование гласного [ъ]. В лингвистической литературе по отношению к нему мы находим два термина: «ер» и «вокалический нуль». Данные термины требуют некоторого комментария. Термин «ер» широко представлен в понятийном аппарате фонетики и графики. В древнерусском языке он обозначал системный гласный звук, который, однако, оказывался произносимым только в случае его употребления в сильной позиции. В ней он совпадал по звучанию со звуком [о], а в слабой позиции характеризовался отсутствием звукового (акустического) содержания (например, *сънь* – сон).

Правда, в научной литературе представлен и взгляд, согласно которому в системе фонем русского языка выделяется фонема [ъ] в ее историческом виде – для обозначения беглого [о] в слабой позиции. Так, по мнению А. А. Кретьева, «в современном русском языке, вопреки всем учебникам и грамматикам, как минимум две разных фонемы: *О-беглая* – {Ъ} и *О-небеглая* – {О}. При этом *О-беглая* находится на месте древнего Ъ, который, как сказано во всех учебниках, “пал” не позднее XII в. н. э. и перестал отличаться от фонемы {О}. Поскольку *О-беглая* – явление современного русского языка, то волей-неволей приходится признать, что “падение” *редуцированных состоит лишь в изменении их манифестации*» [2, с. 182].

Что же касается термина «вокалический нуль», то он был предложен В. Г. Руделевым в работе «Вокалический нуль и его место в системе вокалических фонем» (11). Такое терминологическое обозначение, по его мнению, обусловлено тем, что эту фонему изолированно произнести трудно, ее наличие выводится на основе некоторых теоретических рассуждений.

Итак, рассмотрим более подробно *понятие вокалического нуля в трактовке В. Г. Руделева*. Прежде всего, обращает на себя внимание, что он определяет статус звука [ъ], определяемого им термином «вокалический нуль», в качестве самостоятельной фонемы.

Несомненно, звук [ъ] имеет все основания для включения его в систему *гласных звуков*, поскольку он обнаруживает специфические акустико-артикуляционные признаки, которые определяют его место в вокалической системе. В артикуляторном аспекте этот звук выделяется фонетистами как гласный звук среднего ряда, среднего подъема, неогубленный. М. В. Панов рекомендует «в изолированном положении гласный [ъ] артикулировать так: произнесите у...а... у...а... остановите свой язык на полпути от [у] к [а], произнесите гласный – это и будет [ъ]» [10, с. 33]. Л. В. Щерба «подтягивал» (по выражению М. В. Па-

нова) этот звук под [a], а А. Н. Гвоздев – под [ы] [12, с. 44]. Мы склонны к восприятию этого звука как звука среднего по подъему между [ы] и [a]. В связи с этим спором М. В. Панов пишет: «Выходит, что [ъ] – это [ъ]; не годится приравнивать его ни к [a], ни к [ы]: это особый акустический тип» [4, с. 33]. В этом плане обращает на себя внимание, что этот звук появляется на месте разных фонем. Ср. [г[о]род – г[ъ]рада], [тр[а]вы – тр[ъ]в`ьноу`], [в`[э]ч`ьр – в`[ъ]ч`ьра].

Однако на вопрос: *представляет ли звук [ъ] самостоятельную фонему?* – М. В. Панов отвечает отрицательно: «Но особой фонемой его нельзя объявить: этот звук никогда не встречается в сильной позиции, в независимом положении, никогда сам по себе не служит смысловозначению (фонетически не противопоставлен другим гласным)» [цит. по: 12, с. 44]. Положительный же ответ мы находим у В. Г. Руделева: «Это самая настоящая, полноправная фонема русского языка, она лишь не имеет той различительной мощности, которую имеют иные гласные» [3, с. 36]. Отсутствие такой различительной силы, по его мнению, связано с тем, что вокалический нуль характеризуется во всех оппозициях гласных фонем как немаркированный член, т. е. ему присуще отрицательное значение всех дифференциальных признаков, различающих гласные фонемы.

В отличие от М. В. Панова, не учитывавшего функционирование звуков в необщепотребительной лексике и в терминологии, для В. Г. Руделева такие языковые факты в фонологическом аспекте значимы, поскольку, например, термин, обозначающий название фонемы, – это то же слово, только нетипичное. Поэтому его дальнейшее рассуждение строится следующим образом. Как известно, предложение (высказывание) представляет собой коммуникативную единицу, заполненную словами (ср. традиционное выражение: предложение состоит из слов). Следовательно, предложение *Студент произносит звук /б/* включает в себя слова, и его можно разобрать по членам предложения, поставив соответствующие вопросы. Среди этих слов есть слово, обозначающее название звука речи – «б».

Будучи словом, оно должно подчиняться действующему языковому закону (закономерности), согласно которому слова в русском языке не могут оканчиваться на звонкий согласный (ср.: *пруд* – [прут], *луг* – [лук] и т. п.). А здесь оглушения не происходит. Это возможно в том случае, если после звонкого шумного согласного следует гласный, ибо позиция перед гласным является сильной позицией по признаку «звонкость – незвонкость (глухость)». Следовательно, после «б» есть гласный элемент. Но какой? Ни один из пяти известных звуков в эту позицию не может быть поставлен, так как обнаруживается различная

«звуковая оболочка». Ср.: «б» и «бэ», «ба» и т. д. Значит, можно предполагать, что в этом нетипичном слове имеется особая фонема вокалического типа. Как ее обозначить, принципиального значения не имеет, но поскольку в транскрипции употребляется знак [ъ], то он и был выбран В. Г. Руделевым для обозначения этой шестой фонемы. Таким образом, в словах типа «б», «п», обозначающих названия звуков, есть вокалический элемент, и они транскрибируются как [бъ], [пъ].

Другой вопрос заключается в том, что все гласные фонемы встречаются в сильной позиции – под ударением. Как отмечает В. Г. Руделев, в данном случае речь может идти о каком-то подобии ударения, об эмфазе особого типа. По его мнению, вид ударения не так уж важен. «Важно, что ударение есть. Если “б”, “п” и т. п. – самостоятельные слова, причем слова знаменательные, а знаменательные слова не остаются без ударения, значит все, что компенсирует ударение и, следовательно, дает возможность ощутить самостоятельное слово, есть то же самое ударение. Или – ударение не играет такой уж важной роли, какая ему приписывается. В конце концов и в выражениях “хоть раз”, “но он” и подобных лишь одно ударение, но двусловность этих выражений вряд ли следует оспаривать» [3, с. 37]. Вывод, к которому приходит В. Г. Руделев, следующий: у фонемы [ъ], «вокалического нуля», есть сильная позиция. Сильная позиция для [ъ] отмечается, в принципе, и М. В. Пановым (в частности, под ударением [ъ] встречается в междометии: *Чтоб тебе'* = [штъпг'иб'э] [4, с. 33]. Кроме того, исследователями фонетики разговорной речи также приводятся употребления [ъ] в сильной позиции – под ударением – в словах при убыстренном произношении [13, с. 35].

На наш взгляд, **признание за звуком [ъ] статуса самостоятельной гласной фонемы** позволяет, во-первых, учесть в максимальной степени языковые факты, связанные с представлением фонемы [ъ] в нетипичных словах. Во-вторых, учесть в большей мере соотношение фонемы и звука, поскольку специфика звука [ъ] выражена достаточно ярко и во многом самостоятельна (см. высказывание о [ъ] у М. В. Панова и других фонетистов). В-третьих, устранить противоречия в описании нейтрализации. Например, с чем нейтрализуется фонема [а] в слове *карандаш* [кърандаш]? Нейтрализации предполагают взаимодействие однопорядковых единиц, т. е. фонем с фонемами, а в случае признания [ъ] только особым звуком, это положение нарушается: фонема [а] смешивается не с фонемой, а с архифонемой, хотя сама архифонема является результатом смешения и представляет иной уровень функционирования. Но самое главное, наличие [ъ] позволяет различать слоги, представленные так называемыми изолированными

консонантами типа [бъ] и [пъ], произнесение которых широко представлено в обучении фонетике. Показательным в этом плане оказывается утверждение К. С. Аксакова (еще в 1860 г.) о том, что «Ъ стоит при каждой согласной букве отвержая уста человека и давая возможность явиться букве, так что буквы согласные могут собственно быть написаны так: БЪ, ВЪ и т. д.» [14, с. 12].

Большинством фонетистов в качестве минимальной *произносительной* единицы признается слог. Как отмечают А. А. Кретов и З. Д. Попова, «слоги позволяют слышать и различать слогообразующие и слоговые звуки, а на их фоне фрагменты, которые осмысливаются как согласные» [15, с. 101–102]. Следовательно, когда мы произносим изолированно только согласный, то по существу произносим слог, т. е. артикуляторные характеристики согласного сближают его как звук с целым слогом, в котором слогообразующую функцию выполняет не консонант, а гласный. Опять-таки можно привести мнение К. С. Аксакова о том, что мы не можем произнести отдельный согласный, не произнеся после него подобия гласного [14, с. 12]. Для гласных такое сближение вполне естественно, поскольку гласный – это голосовой звук и поэтому выполняет слогообразующую функцию, либо представляя собой целый слог, либо образуя слог с согласным. Для шумных согласных такая ситуация невозможна. Участие же [ъ] в противопоставлении слогов [бъ] и [пъ] снимает противоречие, когда, с одной стороны, консонанты признаются неслоговыми, а с другой – изолированное их произнесение без участия гласных делает слоговыми. Благодаря участию с ними [ъ], мы имеем восприятие произнесения шумных согласных в изолированном качестве, поскольку [ъ] в силу своей краткости позволяет сконцентрировать внимание не на его акустических характеристиках, а на характеристиках согласных, в частности, противопоставленных по звонкости-глухости. В этом смысле примечательны слова Ю. С. Степанова о том, что система слогов объективно определяет фонемные решения, а не наоборот [16, с. 96].

Включение фонемы [ъ] в систему гласных фонем позволяет определить ее место с учетом фонологических оппозиций, построенных на основе нейтрализаций акустических признаков. В качестве таких признаков выступают: 1) бемольность – небемольность; 2) диффузность – недиффузность; 3) компактность – некомпактность; 4) высокий тон – невысокий (низкий) тон (рис. 1).

Данная система фонологических признаков коррелирует с системой артикуляционных признаков [17, с. 181–182]. Сравним с мнением Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова, считающих «целесообразным в качестве дифференциальных признаков фонемы дать набор таких артикуляторных, а возможно и акусти-

ческих признаков, которые не исключая друг друга, могут охарактеризовать фонему по ее существенным признакам» [18].

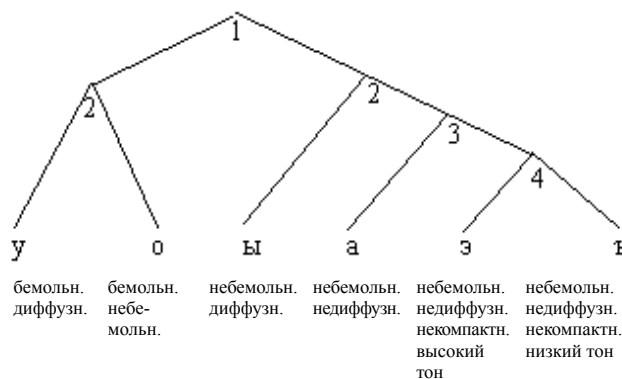

Рис. 1

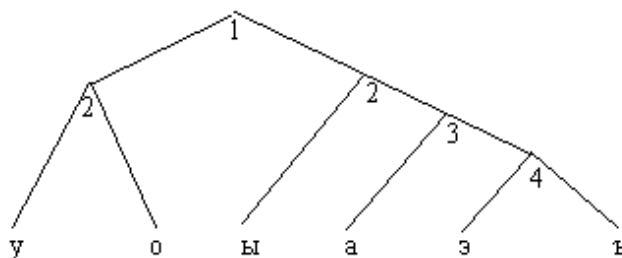

Рис. 2. РП-1 – «огубленность – неогубленность»; РП-2 – «верхний подъем – неверхний подъем»; РП-3 – «нижний подъем – ненижний подъем»; РП-4 – «передний ряд – непередний ряд»

Таким образом, фонема [ъ] имеет следующие *артикуляционные характеристики*: гласный, неогубленный, неверхнего и ненижнего подъема, т. е. среднего подъема и непереднего (среднего) ряда (рис. 2).

В *фонологическом плане* фонема [ъ] имеет следующие признаки: гласная, небемольная, недиффузная, некомпактная, низкий тон. В общей системе гласных фонем [ъ] оказывается немаркированной фонемой во всех фонологических оппозициях. Поэтому нейтрализации маркированных по отношению к ней фонем осуществляются в ее сторону.

Что же касается терминологического обозначения данной фонемы, то, на наш взгляд, целесообразно оставить термин «ер». После мягких согласных в слабых позициях произносится [ъ] («ерь»), но в транскрипции мы имеем в этом случае обозначение [ъ] после знака мягкости у согласных [м'ъсајэт], [м'ъдав'ык]. Ср.: *мат* [мат] и *мят* [м'ат].

Однако понятие вокалического нуля также оказывается востребованным для фонетической системы гласных звуков. Вокалический нуль, на наш взгляд, присутствует в произношении разговорных слов типа

Сереж, Вов, Люд вместо *Сережа, Вова, Люда*, в которых не происходит оглушения конечного звонкого согласного. Следовательно, есть гласный элемент, но это не [ъ], поскольку [ъ] – это гласный полного образования, который характеризуется указанным выше набором традиционно выделяемых акустико-артикуляционных признаков и присутствует в слабых позициях гласных фонем [а, о, э]. Другими словами, звук [ъ] отличается от звука, который условно обозначим как [#], характером наполнения акустико-артикуляционных признаков. В [ъ] мы имеем материализованный набор этих признаков, а в [#] – по существу, нулевую их степень, что позволяет видеть в этом звуке своего рода *па-звук*. Его и можно считать **нулевым гласным звуком**.

Чем отличается гласный *па-звук* от [ъ]? Прежде всего, неслоговым характером, поскольку отсутствие полноценной звуковой материальности в силу его краткости не позволяет носителям языка воспринимать его слоговой характер и тем самым видеть в нем слоговой элемент. В частности, слово *Сереж* имеет в этом случае слогоделение [С'ъ-р'ож# (ср. *Сережа*: [С'ъ-р'о-жа]). В случае употребления разговорных форм типа *Сережик* (*Сережка*), *Лютк* (*Людка*) звонкие шумные согласные оглушаются в составе одного слога. Другими словами, характер влияния нулевых элементов обуславливает соответствующее звуковое представление взаимодействующих с ними звуков. В обращениях типа [Вов], [Л'уд] (*Вова, Люда*) нулевой гласный звук проявляет себя в неоглушении звонкого шумного согласного.

Итак, [ъ] является **полным и слоговым**, а [#] – **неполным и неслоговым**. Поэтому в вокалическом нуле (*па-звуке*) различительные возможности фонемы [ъ] достигают своего рода вырождения, представляя минимум акустической информации в ее восприятии. В данном случае вокалический нуль ([#]) можно квалифицировать в рамках *функционального* звукового элемента при произнесении слов типа *Сереж, Люд*.

Заключение

Таким образом, в сущности, можно говорить о **двух функциональных нулевых звуках** – *нулевом соноре* или, точнее, о *нулевом йоте*, который представлен в словах типа *моих, мои, свАи* в позиции перед (и) [‘ы] и о *нулевом гласном (па-звуке)* в разговорных формах обращений типа *Вов* [вов#] (*Вова*), *Люд* [люд#] (*Люда*). Они характеризуют периферию фонетической системы русского языка, оказываясь функциональными фонетическими единицами в рамках произношения отдельных типов слов. Правомочность их выделения обусловлена парадигматической формой выявления данных единиц в системном

описании звукового строя русского языка. Отсутствие в них однозначно воспринимаемого акустического содержания, но сохранение его в редуцированной форме не является основанием для невыделения нулевых звуков (фонем), поскольку в этом случае показателем их наличия оказываются акустические характеристики взаимодействующих с ними звуков (фонем). Показателем наличия фонетического нуля является не столько его воспринимаемые акустико-артикуляционные характеристики, сколько характер его влияния, которое находит отражение в другой единице. В результате трудно воспринимаемое на слух акустическое содержание получает свою фонетическую «прописку» в функциональной системе гласных звуков (фонем).

ЛИТЕРАТУРА

1. Шарандин А. Л. О классах фонем в русском языке // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 118–127.
2. Кретов А. А. Системная русская фонемология. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2020. Т. 1. 198 с.
3. Руделев В. Г., Пискунова С. В. Русские консонанты // Фонология. Тамбов : ТГПИ, 1982. С. 166–170.
4. Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М. : Высшая школа, 1979. 256 с.
5. Моисеев А. И. Русский язык. Фонетика. Морфология. Орфография. М. : Просвещение, 1975. 240 с.
6. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
7. Зубкова Л. Г. Язык как форма : теория и история языкознания. М. : Изд-во РУДН, 1999. 237 с.
8. Современный русский литературный язык / под ред. П. А. Леканта. М. : Высшая школа, 1982. 399 с.
9. Виноградов В. А. Консонантизм и вокализм русского языка : практическая фонология. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1971. 85 с.
10. Еськова Н. А. Избранные работы по русистике : Фонология. Морфонология. Морфология. Орфография. Лексикография. М. : Языки славянских культур, 2011. 647 с.
11. Руделев В. Г. Вокалический нуль и его место в системе вокалических фонем // Материалы и тез. докл. XV итог. науч. конф. Оренбург : Оренб. гос. пед. ин-т им. В. П. Чкалова, 1967.
12. Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М. : Наука, 1970. 528 с.
13. Русский язык в его функционировании : уровни языка. М. : Наука, 1996. 271 с.
14. Аксаков К. С. Опыт русской грамматики. Ч. 1. М. : Тип. Л. Степановой, 1860. 176 с.
15. Кретов А. А., Попова З. Д. Слоговая природа русской фонемы // Филологические записки. Воронеж, 1996. Вып. 7. С. 98–118.
16. Степанов Ю. С. О зависимости понятия фонемы от понятия слога при синхронном описании и истори-

ческой реконструкции // Вопросы языкознания. 1974. № 5. С. 96–106.

17. Шарандин А. Л. Проблемы русской фонетики, графики, орфографии. Тамбов : Изд-во Першина Р. В., 2006. 348 с.

18. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1984.

REFERENCES

1. Sharandin A. L. On phoneme classes in the Russian language. In: *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2021. No. 2. Pp. 118–127.
2. Kretov A. A. Systemic Russian phonemology. Voronezh: Publishing House of VSU, 2020. Vol. 1. 198 p.
3. Rudelev V. G., Piskunova S. V. Russian consonants. In: *Phonology*. Tambov: TSPI, 1982. Pp. 166–170.
4. Panov M. V. Modern Russian language. Phonetics. M.: Higher School, 1979. 256 p.
5. Moiseev A. I. Russian language. Phonetics. Morphology. Orthography. M.: Enlightenment, 1975. 240 p.
6. Akhmanova O. S. Dictionary of linguistic terms. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1969. 608 p.
7. Zubkova L. G. Language as a form: Theory and history of linguistics. Moscow: RUDN Publishing House, 1999. 237 p.
8. Modern Russian literary language. Edited by P. A. Lekant. M.: Higher School, 1982. 399 p.
9. Vinogradov V. A. Consonantism and vocalism of the Russian language: Practical phonology. Moscow: Moscow University Press, 1971. 85 p.
10. Eskova N. A. Selected works on Russian studies: Phonology. Morphology. Morphology. Spelling. Lexicography. M.: Languages of Slavic cultures, 2011. 647 p.
11. Rudelev V. G. Vocal zero and its place in the system of vocal phonemes. In: *Materials and tez. dokl. XV totals. scientific conf.* Orenburg: Orenburg State Pedagogical Institute named after V. P. Chkalov, 1967.
12. Reformatsky A. A. From the history of Russian phonology. M.: Nauka, 1970. 528 p.
13. The Russian language in its functioning: Language levels. Moscow: Nauka, 1996. 271 p.
14. Aksakov K. S. The experience of Russian grammar. Part 1. M.: Type. L. Stepanova, 1860. 176 p.
15. Kretov A. A., Popova Z. D. Syllabic nature of the Russian phoneme. In: *Philological notes*. Voronezh, 1996. Issue 7. Pp. 98–118.
16. Stepanov Yu. S. On the dependence of the concept of phoneme on the concept of syllable in synchronous description and historical reconstruction. In: *Questions of Linguistics*. 1974. No. 5. Pp. 96–106.
17. Sharandin A. L. Problems of Russian phonetics, graphics, spelling. Tambov: Publishing house Pershina R. V., 2006. 348 p.
18. Gamkrelidze T. V., Ivanov V. V. Indo-European language and Indo-Europeans. Tbilisi: Publishing House of the Tbilisi University, 1984.

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

Шарандин А. Л., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка

E-mail: sharandin@list.ru

Поступила в редакцию 12 сентября 2022 г.

Принята к публикации 26 декабря 2022 г.

Для цитирования:

Шарандин А. Л. Функциональный нуль в фонологической системе русского языка // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 139–146. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/1/139-146>

Tambov State University named after G. R. Derzhavin
Sharandin A. L., Doctor of Philology, Professor, Professor of the Russian Language Department

E-mail: sharandin@list.ru

Received: 12 September 2022

Accepted: 26 December 2022

For citation:

Sharandin A. L. Functional zero in Russian fonological system. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2023. No. 1. Pp. 139–146. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/1/139-146>